

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1891-1892 гг. В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00026а.

THE ORTHODOX CLERGY WITHIN THE CONTEXT OF FAMINE OF 1891-1892 IN PROVINCIAL ADMINISTRATIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

P. Ponarin

Annotation

The article examines the state of the Orthodox clergy during the 1891–1892 famine in provincial administrations of the Central Black Earth Region of Russia. The author, based on published and unpublished sources, also analyzes the activity of the Orthodox clergy and church officers aimed at the recovery from the food crisis. It is concluded that the vigorous public service of the rural clergy contributed to the recovery from social and economic crises in Russian Empire.

Keywords: the clergy, a rural community, famine, diocese, social service, denomination, a parish, Synod.

Понарин Павел Валентинович

К.ист.н., доцент каф. теории и истории государства и права Тульского филиала Международного юридического института, доцент каф. правовых дисциплин факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого

Аннотация

В статье рассматривается положение православного духовенства в период голода 1891–1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного региона России. На основе опубликованных и архивных источников исследуется также деятельность священно- и церковнослужителей по преодолению продовольственного кризиса. В статье делается вывод, что активное общественное служение сельского духовенства способствовало преодолению социально-экономических кризисов в Российской империи.

Ключевые слова:

Духовенство, сельская община, голод, епархия, социальное служение, конфессия, приход, Синод.

Исследование голода в Российской империи в 1891–1892 гг. невозможно без понимания места и роли православного духовенства в этот период, особенностей его материального положения. В последние годы царствования императора Александра III Русская Православная Церковь насчитывала 35 814 приходов, при которых состояло 92 615 священно- и церковнослужителей [3, с. 40]. К 1890 г. православное население Империи составляло 71 080 070 человек, в среднем – по две тысячи человек на приход.

Большая часть подданных, исповедующих традиционное Православие, была сосредоточена на территории Великороссии. В губерниях Земледельческого центра Российской империи наибольшее количество православных проживало в Воронежской, Курской и Тамбовской епархиях по 2 315 627, 2 067 239 и 2 360 429 человек. В Рязанской епархии православных насчитывалось 1 709 892, а в Орловской – 1 773 607, Пензенской – 1 328 039, Тульской – 1 327 201 верующих [3, с. 580]. Эта масса не только духовно окормлялась клиром, но и в

свою очередь обеспечивала существование православного духовенства.

При этом официально доходы Русской Православной Церкви складывались из трех источников – епархиальных сборов, специальных средств Святейшего Синода и сумм, отпускаемых из имперской казны. Но синодальное руководство официально признавало, что "исконный и главный источник для материальной поддержки нашей церкви составляют добровольные даяния благочестивого русского народа" [2, с. 411]. Государственное финансирование клириков осуществлялось избирательно и не распространялось на духовенство центральных губерний, которое существовало за счет добровольных пожертвований прихожан. Во Всеподданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева за 1888 и 1889 гг. признавалось, что содержание из казны причтов внутренних губерний производится гораздо в меньших размерах по сравнению с финансированием духовенства Холмско-Варшавской, Рижской и других западных епархий, а в четырнадцати церковных округах, таких как Кур-

ская, Орловская, Тамбовская, Тульская, Рязанская епархии, "вовсе не производится жалованья из казны" [2, с. 424]. Правда, некоторые причты указанных епархий все же получали символическое финансирование. Например, в 1888 г. из казны выделялись средства всего трем церквям Воронежской епархии (всего – 135 руб. 96 коп.) и тринадцати приходам Курской епархии (1 285 руб. 50 коп.). В Тульской епархии двадцать три причта получали государственное жалованье, составлявшее в общем 2 273 руб. 98 коп., а в Рязанской епархии на обеспечение пятидесяти пяти приходов отпускалось 5 711 руб. 24 коп. [2, с. 602]. К 1891 г. ситуация не улучшилась: количество причтов, получаемых содержание от государства, осталось прежним [3, с. 746]. А.В. Штепа приводит сведения, согласно которым в 1880–е годы XIX в. епархии Центрально–Европейского региона России были обеспечены скудно, в них содержание священника колебалось от 72 до 180 руб., диакона – 54–80 руб., причетника – 24–40 руб. в год [21, с. 31]. Здесь следует учитывать и различие в материальном положении городских и сельских пастырей.

Основной доход сельскому духовенству приносили земля, плата за требоисправления, пользование церковными домами, вознаграждения за обучение в церковно-приходских школах и школах грамоты, процент с причтового капитала, если таковой имелся. За каждым приходом был закреплен обязательный надел в тридцать три десятины земли, и занятие земледелием в черноземных районах обеспечивало причты продовольствием, особенно псаломщиков и дьяконов. Однако именно эти источники делали клириков крайне зависимыми от прихожан, сельского схода и помещиков. И к тому же занятие земледелием отвлекало священников от пастырского служения, уравнивая их с крестьянским миром.

Итак, провинциальное "белое" духовенство на рубеже 1880–1890–х гг. с одной стороны оказалось зависимым от местной экономической конъюнктуры, ибо голод в крестьянской поземельной общине полностью лишал сельские причты местных источников. С другой стороны, любой аграрный кризис заставлял приходских священников спасать не только самих себя, но и более активно заниматься благотворительностью, изыскивать внешние ресурсы для оказания помощи нуждающейся пастве, являвшейся основным "донором" приходского духовенства. В этом случае показательна чрезвычайная продовольственная ситуация, возникшая в провинции осенью 1891 – летом 1892 гг., а также деятельность православного духовенства по ее преодолению.

Неурожай 1891 г. затронул 29 из 97 губерний России, большинство из которых относились к районам производства товарного хлеба. По данным Синода наиболее пострадали 13 губерний [18, с. 357]. Применительно к

земледельческому центру Российской империи, кризис коснулся таких губерний, как Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская, Тульская и Рязанская. Приходскому духовенству этих епархий, насчитывавшему около 20 тыс. священно- и церковнослужителей, предстояло поддержать примерно 12 млн. бедствующих прихожан [3, с. 664].

Помощь пострадавшим от неурожая со стороны Церкви требовала серьезных материальных ресурсов. К 1 января 1891 г. Св. Синод располагал бюджетом в 36 494 015 руб., расписанным на разные нужды духовного ведомства. Из них теоретически на обеспечение голодающего духовенства и мирян могли быть отпущены суммы: из капиталов на усиление средств содержания городского и сельского духовенства (1 552 300 руб.); завещанных и пожертвованных в пользу православных церквей, монастырей и причтов России (464 257 руб.); собранных в кружки, учрежденные в церквях (2 156 616 руб.). Всего – 835 103 руб. [3, с. 760].

Для оказания денежной помощи голодающим пастырям и пастве могли быть использованы также и епархиальные средства, к которым относились суммы попечительств о бедных духовного звания. Однако этот источник не был значителен: всего у попечительств епархий земледельческого центра, к началу голодного года имелось 12 393 руб. наличных средств и 7 155 664 руб. в ценных бумагах [3, с. 750].

В борьбе с голодом гипотетически можно было рассчитывать и на суммы, находившиеся в распоряжении церковно-приходских попечительств, насчитывавшихся к концу 1890 г. 1468 (в Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерниях). Больше всего попечительств было создано в Рязанской (233), Тамбовской (322) и Тульской (353) губерниях. В распоряжении церковно-приходских попечительств находилось 195 930 р. 67 коп. [3, с. 756]. Деньги попечительств должны были идти: 1) на поддержание и украшение церквей; 2) на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах; 3) на содержание причтов. Однако в условиях голода они могли быть использованы и для решения продовольственной проблемы в рамках прихода.

Итак, определенные материальные возможности, позволяющие организовать помощь голодающему клиру и мирянам, у Русской Православной Церкви формально существовали. Важно, что 21 августа 1891 г. Св. Синод признал факт голода в ряде губерний и уездов и предписал начать создание епархиальных комитетов по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая [17, с. 330–332]. Следующим шагом стало решение "синодальных" властей от 23 августа 1891 г., со-

гласно которому церковные власти распорядились выдать в помощь клирикам 25 тыс. руб., разрешив епархиальным властям в случае особой надобности выдавать ссуды [21, с. 130]. Кроме того, РПЦ, используя свой авторитет и духовное влияние, могла привлечь также ресурсы государства, земств и частных благотворителей. Так, 23 сентября 1891 г. был опубликован указ Св. Синода о бесплатном провозе по железной дороге продуктов для местностей, пострадавших от неурожая, в котором отмечалось, что все российские железные дороги отнеслись к предложению ведомства православного исповедания с полным сочувствием и "заявили согласие перевозить отправляемые Епархиальными Комитетами, в неурожайные местности, всякого рода пожертвования бесплатно, при условии предъявления на станциях отправления пожертвования надлежащих свидетельств Комитетов" [6, л.1]. Но приходское духовенство находилось на низшем уровне церковной иерархии и имело более скромные организационные и материальные возможности, часто выступая в роли просителя в отношении епархиального начальства и мирян.

В социальном подвижничестве сельского духовенства во время голода 1891–1892 гг. следует выделить несколько направлений: во-первых, оказание помощи бедствующим лицам духовного звания, в том числе членам их семей, путем сбора средств по церквям и через участие в деятельности попечительств о бедных духовного звания; во-вторых, участие в работе приходских (сельских) комитетов по оказанию помощи голодающим; в-третьих, осуществление иной благотворительной деятельности в пределах прихода, например организация бесплатных столовых, кружечных и тарелочных сборов, создание церковно-приходских попечительств, участие в работе отделений Красного Креста.

Оказание помощи бедствующим лицам духовного звания и членам их семей стало серьезной проблемой для церковных властей. С осени 1891 г. в адрес епархиальных архиереев и возглавляемых ими епархиальных комитетов по оказанию помощи голодающим поступали многочисленные просьбы от священно- и церковнослужителей, их вдов и сирот о выдаче денежных пожертвований в связи с неурожаем и голодом. К зиме 1892 г. ситуация стала критической. Благочинные активно информировали епархиальное начальство о крайней нужде сельских клириков, которые с сентября по декабрь еще держались на собственных небольших денежных и продовольственных запасах. В их рапортах отмечалось, что голодание в среде прихожан уменьшилось, благодаря стараниям земств, Красного Креста, Епархиального комитета, Дирекции народных училищ, старавшихся "удовлетворять всех нуждающихся в пропитании, а не по выбору только особенно нуждающихся в пропитании, в истекшем году", в то время "в духовенстве наоборот с течени-

ем времени все более и более возрастает нужда в пропитании себя, своих семейств и необходимой прислуги. В истекшем году духовенство еще получало некоторую часть своего обыкновенного вознаграждения за требоисправления, ничтожными копейками, хлебных доходов несколько. В настоящее время добротное подаяние духовенству прекращается и естественно должно совсем прекратиться, ибо наши прихожане все, что можно было продать, давно продали. От церковных земель наше духовенство ничего не получает" [12, л. 3].

Более тяжелым оказалось положение низшего духовенства – причетников (псаломщиков, пономарей, дьячков), доходы которых и в урожайный год считались мизерными и зависели, в основном, от урожая с церковной земли. У большинства церковнослужителей имелись многодетные семьи. В неоднократных обращениях к епархиальному начальству псаломщики просили, главным образом, о денежной помощи, часто отмечая, например, что "по случаю неурожайного года совершенно прекратился доход, за исправление треб перестали уплачивать, вследствие этого у меня средств не достает к пропитанию семейства, которое состоит из десяти душ требующих от меня содержания" [11, л. 241, 243, 248].

В крайне бедственном положении находились также вдовы священно- и церковнослужителей и сироты. Преклонный возраст, болезни, а иногда и инвалидность мешали им найти какой-либо иной заработок, а потому эти лица, относящиеся также к духовному званию, всецело зависели от причта и прихожан. Их состояние и в обычные, урожайные годы считалось нуждающимся, а в условиях голода наблюдалось полное обнищание этой категории сельского населения. На содержание вдов и сирот причты в голодный период выделяли до 20 руб. серебром (в обычное время сумма доходила до 40 руб.), а иногда и отказывали в помощи, если в семье был трудоспособный взрослый сын [15, л.9]. Дополнительно к пособию мог выдаваться хлеб – не более 30 ковриг на год. Вдова псаломщика села Нижнего Скворчего Новосильского уезда 30 апреля 1892 года писала в епархию, что получает от причта 40 руб. и 60 ковриг печеного хлеба, но в нынешний год получила только 20 руб. и 30 ковриг хлеба "в прежнее время я кое-как проживала, а в нынешний неурожайный год по случаю дороговизны на хлеба совсем жить нечем стало" [14, л. 11].

На денежное пособие нуждающимся лицам духовного звания – примерно 416 семьям духовенства – Тульским епархиальным комитетом было израсходовано с ноября 1891 г. по июнь 1892 г. 6050 рублей. Наибольшего размера финансовая помощь клирикам, а также вдовам и сиротам духовенства, достигла в мае 1892 г., когда на 194 семьи выделили 3020 руб. и в июне 1892 г. В этот месяц 86 семей получили от епархиального комитета

1200 руб. [11, л. 177]. Помощь распределялась по уездам. В первую очередь деньги получали священно- и церковнослужители наиболее "голодных" районов. Так, в январе пособие выдали духовенству Богородицкого, Епифанского и Новосильского уездов, а в феврале – Ефремовского, Чернского уездов. В марте отдельные лица, причты и семейства умерших священников Тульского, Богородицкого, Веневского, Алексинского, Епифанского, Ефремовского, Каширского, Крапивинского, Новосильского, Ефремовского и Чернского уездов получили от епархиального комитета 759 руб. и 130 пудов хлеба. В мае 1892 года помимо суммы в 2245 руб., духовному сословию Тульского, Алексинского, Веневского, Ефремовского, Епифанского, Каширского, Новосильского, Чернского, Одоевского уездов по дополнительному списку епархия оказала помощь в размере еще 2500 руб. [11, л. 186–188]. Таким образом, основным ресурсом выживания нуждающегося духовного сословия Тульской епархии, стал бюджет епархиального комитета помощи голодающим, в который поступали средства и из других епархий.

На нужды бедствующих лиц духовного звания традиционно производились сборы и среди местного духовенства, но собираемые суммы, в частности в Тульской епархии, оказывались невелики. Так, тульское духовенство могло пожертвовать в относительно благополучный 1891 год не более 240 руб., сельские благочиния жертвовали максимально 180–190 руб. [13, л. 1]. Однако в течение 1892 года в тульское попечительство о бедных духовного звания из разных источников все же поступило 18 357 руб. Большая часть средств – 17 763 руб. – была израсходована в этом же году [4, с. 688]. В другие епархиальные попечительства в пострадавших местностях также жертвовались значительные суммы: в Курское – 58 010, Рязанское – 29 458, Орловское – 25 691, Воронежское – 22 526 руб. Никаких поступлений не было только в Тамбовское попечительство, которое имея к 1 января 1892 г. в бюджете 860 руб. наличными и 86 000 билетами на начало 1883 г. ничего не израсходовало на поддержку нуждающегося клира. При том, что траты других попечительств на эти же нужды в 1892 г. составили от 6 до 58 тыс. рублей наличными и банковскими билетами [4, с. 688]. Несмотря на неравномерное поступление средств в разных епархиях земледельческого центра, попечительства о бедных духовного звания сыграли свою положительную роль в период голода 1891–1892 гг.

Не столь эффективной в действительности оказалась деятельность церковно-приходских попечительств: большая часть их средств даже в голодное время тратилась на содержание и украшение храмов, тогда как расходы на благотворительность и на причт были минимальными. Например, в Тамбовской епархии, где в 1892 г. насчитывалось 621 попечительство, расходы на благотвори-

тельность и церковно-приходские школы составили 9 854 руб. 39 коп., а на содержание причтов ими было отпущено только лишь 73 руб. 30 коп. В Рязанской епархии попечительства, выделяя на приходские школы и благотворительность 6 385 руб. 58 коп., вообще отказывались содержать причты церквей. Церковно-приходские попечительства Тульской епархии – в 1892 г. их насчитывалось 360 – на содержание своего духовенства тратили только 420 руб., а на школы и социальную помощь – 2 361 руб. [4, с. 692]. Исследователи объясняют подобную структуру расходов составом попечительств, степенью влияния их членов [1, с. 225], отношениями между духовенством и сельским обществом. Но пассивность приходских попечительств в деле помощи голодающим отчасти объясняет критику в их адрес, звучавшую со страниц церковной периодической печати в 1890–е гг. [22].

Более заметную роль в период аграрного кризиса сыграли сельские (приходские) комитеты о помощи голодающим, подчиняющиеся епархиальным комитетам. Это были временные чрезвычайные органы, созданные в соответствии с Определением Св. Синода от 21 августа 1891 г. и фактически просуществовавшие с октября 1891 по июнь 1892 г. В Тульской губернии образование сельских комитетов произошло после 18 сентября 1891 г. В их состав вошли местные священники, церковные старосты, лица, избранные из числа членов церковно-приходского попечительства самими же попечительствами, а там, где не было попечительств – доверенные от прихожан. Признавалось полезным пригласить в состав сельского Комитета представителя земств, а "земского начальника, если не возможно будет иметь его постоянным членом сельского Комитета, по крайней мере, должно просить о возможном с его стороны содействии успешному ходу дел Комитета" [17, с. 374]. На практике настоятели сельских храмов выходили с инициативой к прихожанам после воскресной литургии или выносили вопрос на сельский сход, предварительно проведя переговоры с предполагаемыми кандидатами в члены создаваемых комитетов. В итоге, в их состав включались не только священно- и церковнослужители, крестьяне-собственники, но и представители дворянства, купечества, сельской интеллигенции. Особо следует выделить поддержку усилий духовенства со стороны влиятельных помещиков и купцов. В частности, помощь приходским комитетам в Богородицком и Ефремовском уездах Тульской губернии оказали граф В. А. Бобринский и князь Д. М. Голицын; в Чернском – помещики С. А. Ильинская и Н. Д. Селезнев. Серьезное значение имел в данном случае и административный ресурс земских начальников.

В Тульской губернии самые первые сельские комитеты стали создаваться в наиболее пострадавших районах – Ефремовском, Чернском, Богородицком и Епифанском

уездах. Так, 25 октября 1891 г. комитет при Казанской церкви села Долматово Казинки Ефремовского уезда составил первый список нуждающихся в количестве 100 крестьян [11, л. 13–14]. К декабрю 1891 г. сельские комитеты по оказанию помощи голодающим появились во всех охваченных голодом приходах Тульской епархии.

Клирики не только экстренно создавали комитеты при церквях, но и оперативно составляли списки голодающих. Учитывая густую населенность приходов, многие из которых насчитывали от 3000 до 5000 прихожан и могли включать в среднем 7–8 поселений, работу по выявлению голодающих следует признать непростой. Необходимо учитывать и осеннюю распутицу, что затрудняло также передвижения членов сельских комитетов между разбросанными вокруг центра прихода населенными пунктами. Но причты с этой работой справились. Каждый приход представил в епархию не только протокол об образовании комитета, подробный список голодающих прихожан, но и дополнительную справку, содержащую детальный анализ продовольственной ситуации на селе. В рапортах духовенства объективно характеризовалась ситуация в голодающей русской деревне. Например, священнослужители Николаевской церкви села Никольского Чернского уезда Тульской губернии от 5 декабря 1891 г. писали, что плодородная земля всех прихожан вследствие засух не дала урожая: "Все это тяжело отразилось на благосостоянии народном. Скот многие продали за бесценок, соломы для корма и топки нет, хлеба, хотя бы с примесью лебеды, разрушительно действующего на здоровье, уже не стало" [11, л. 85–85 об.].

В составе сельских комитетов по оказанию помощи голодающим духовенство приняло деятельное участие в распределении продовольственной помощи бедствующим прихожанам. Так, комитет прихода села Казанское-Греково Ефремовского уезда, включавшего шесть поселений, в отчете о расходовании пожертвованных средств за декабрь 1891 – март 1892 гг. отмечал, что население не только пострадало от неурожая, но и оказалось охвачено тифом: "народ крайне истощен и почти не может работать". Помощь такому приходу, по мнению священника Сергия Гумилевского, требовалась в размере 800 пудов муки и ржи [7, л. 1–1 об.]. В итоге поступление составило 315 руб., 364 пуда 13 фунтов зерна и 13 пудов хлеба. На пожертвованные средства комитетом было куплено 235 пудов 30 фунтов хлеба по цене 1 руб. 35 коп. за пуд. С декабря 1891 по март 1892 г. 741 голодающим крестьянским семьям прихода села Казанское-Греково роздали 623 пудов 30 фунтов хлеба и 293 пуда 20 фунтов муки. В условиях продовольственного кризиса раздача хлеба голодающим прихожанам стала основным делом сельских клириков, что подтверждают и отчеты приходских комитетов в епархию [8]. Не столь широко, но достаточно активно сельское духовенство оказалось вовлечено в иную благотворительную деятельность в пределах

своих приходов. Так, при его участии широко открывались общественные столовые [19, с. 133–134; 13, л. 1].

Участие православных священно- и церковнослужителей в преодолении голода нашло признание со стороны официальных властей. В частности, тульский губернатор Н.А. Зиновьев в письме на имя епископа Тульского и Белевского Ириней от 11 ноября 1893 г. положительно охарактеризовал "работу служителей церкви в Обществе Красного Креста и благотворительных комитетах" в течение двух голодных лет, отметив, что "состоя ближайшим и усердным сотрудником Попечительства Красного Креста и благотворительных комитетов, духовенство Тульской губернии оказало большую помощь этим учреждениям в их благотворительной деятельности и тем значительно содействовало к успешному ее окончанию" [8, л. 1–1 об.]. Согласился с А.В. Штепой, что деятельность православных пастырей, относившихся к духовному ведомству, "превзошла другие мероприятия по обширности, активности и эффективности" [21, с. 130] и должна была стать серьезным основанием для изменения финансовой политики в отношении Русской Православной Церкви со стороны государства.

Предложение о преобразовании государственного содержания причтов было озвучено обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым с предварительного согласия Александра III на заседании Государственного совета 25 февраля 1893 г. и предусматривало выделение из казны в качестве кредита дополнительных 250 тыс. рублей на финансирование "белого духовенства". Эта инициатива нашла поддержку в "верхах" и отпущенные по распоряжению министра финансов С. Ю. Витте средства были в этом же году распределены между 592 беднейшими причтами разных епархий. В 1894 г. сумма, выделяемая на содержание духовенства, должна была увеличиться на 150 тыс. руб. [4, с. 589–592]. В этом же году оказались пересмотрены и оклады членов причтов, получавших жалованье из казны: священнику стало выплачиваться от 100 до 600 руб., диакону – 80–300 руб., псаломщику – 40–200 руб.

Предпринятая мера имела определенное экономическое значение, но в большей степени идеологическое: правительство продемонстрировало обществу свою заботу о православном клире. Материальное положение духовенства епархий земледельческого центра Российской империи стало меняться только с 1895 г., когда заметно увеличилось количество причтов, получаемых содержание от государства. Так, в Воронежской епархии финансировались уже 74 причта, в Курской и Орловской – по 71, в Пензенской – 612, в Рязанской – 126, в Тамбовской – 109, в Тульской – 60 храмов [5, с. 590]. Следует признать, что государство извлекло уроки из кризиса 1891–1892 гг. Однако большая часть причтов черно-

земных епархий все же сохраняла традиционную зависимость от благосостояния крестьянской общины и снова могла оказаться жертвой неурожая и голода как в конце 1890-х гг., так и в последующие десятилетия.

Изучение социально-экономического положения православного духовенства и его благотворительной деятельности в период неурожая 1891–1892 г. позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, наличие финансовых ресурсов на синодальном и епархиальном уровнях не предотвратило обнищания и голода православного духовенства Центрального Черноземья в период 1891–1892 гг. Причина кроется не только в сохранявшейся материальной зависимости от паствы, но и в существовавшей схеме государственного финансирования господствующей конфессии, под которое подпадало лишь ограниченное количество причтов. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. духовенство епархий Центрального Черноземья практически не получало жалованья из казны и находилось в зависимо-

сти от экономики села. Другая причина заключается в том, что Русская Православная Церковь в начале 1890-х гг., формально обладая определенными возможностями, не могла поддерживать удовлетворительный материальный уровень православных священно- и церковнослужителей, потому что, по мнению С.Л. Фирсова, "была принципиально несвободна, являясь необходимым элементом православного государства". Это означало, что "она не могла иметь самостоятельную финансовую политику, полагаясь на материальную опеку и поддержку" государства [18, с. 457]. Именно поэтому существование реальных финансовых ресурсов в распоряжении Церкви, предназначенных для материального поддержания пастырей, стало определенной иллюзией государства и общества.

Во-вторых, на примере кризиса 1891–1892 гг. можно увидеть, что активное общественное служение сельского православного духовенства способствовало преодолению голода в крестьянской среде в конце XIX в. и являлось фактором стабильности аграрного социума в условиях эпохи модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова А.В., Смирнов С.С. Организация попечительств о бедных церковного звания и церковно-приходских попечительств в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 124–128.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб, 1891. 710 с.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 гг. СПб, 1893. 776 с.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. СПб, 1895. 784 с.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. СПб, 1898. 614 с.
6. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4155.
7. Государственный архив Тульской области. Ф. 3 Оп.7. Д. 2812.
8. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3278.
9. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2967.
10. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. Д. 1658.
11. Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 2.
12. Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 21.
13. Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 29.
14. Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 32.
15. Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 36.
16. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула: Тип. Н.И. Соколова, 1895. 828 с.
17. Тульские епархиальные ведомости. 1891. 1 сентября. № 17.
18. Тульские епархиальные ведомости. 1891. 15 сентября. № 18.
19. Тульские епархиальные ведомости. 1892. 1 марта. № 5.
20. Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ, 2007. 460 с.
21. Штепа А.В. Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX – начало XX веков) / Под общ. ред. протоиерея Р. Смигирёва. Калуга: Издательство научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 2007. 264 с.
22. Якубсон Е.В. Церковно-приходские попечительства в Тульской губернии в конце XIX – начале XX века // Тульский краеведческий альманах. Вып. 6. Тула: Тульский полиграфист, 2008. С. 50–53.